

На днях киевляне впервые услышали Четвертую симфонию Д. Шостаковича. Необычна судьба этого произведения. Написанную еще в середине тридцатых годов симфонию готовил к постановке оркестр Ленинградской филармонии. Однако перед самым концертом автор не счел возможным допустить свое новое сочинение к открытому исполнению.

В статьях, рецензиях и заметках, появившихся за последнее время в связи с первым исполнением симфонии, этот загадочный, на первый взгляд, факт не получил никакого объяснения. А чтобы ответить на эту «загадку», стоит вспомнить кое-что из тех лет.

В 1936 году Д. Шостакович, уже тогда композитор с мировым именем, был несправедливо, незащищенно жестоко раскритикован за оперу «Натерина Измайлова» и некоторые другие произведения. Мог ли он, художник большой человечности и большой принципиальности, подвергать издевательствам и оскорблениям свое новое детище — выстраданное, глубоко прочувствованное, писанное кровью искреннее, правдивое сердце. Ведь «разнос»-то с обязательными обвинениями во всевозможных «измахах», несомненно, состоялся бы, потому что Четвертая симфония своей природой, своим духом не соответствовала «эстетическим догматам» периода культа личности.

Спасибо родной партии, решительно покончившей с культом личности и его последствиями, открывшей широкую дорогу в большую жизнь многим выдающимся творениям советских художников, и в том числе Четвертой симфонии Д. Шостаковича.

По своей идейно-художественной концепции Четвертая симфония очень сложное, порой противоречивое произведение. Но сложность эта не имеет ничего общего с нарочитой усложненностью, которой иногда грешат наши композиторы. Своеобразие художественных средств Шостаковича обусловлено характером замысла, особенностями развития музыкальных образов симфонии. Вместе с тем музыка симфонии понятна от первого до последнего такта, она волнует, трогает, потрясает, как каждое подлинное произведение искусства.

Уже начальный возглас оркестра настораживает, пробуждает необъяснимое тревожное чувство. Образы безмятежной радости сменяются драматическими моментами, порывы к свету неожиданно

обрываются натиском причудливо-гротескных, порой фантастических эпизодов.

...Полная жизни, здорового мироощущения душа Человека стремится к деятельности, к созиданию, однако на пути к этому встают темные, зловещие, неумолимо жестокие силы...

Трогательная, словно бы озаренная внутренним сиянием, музыка второй части симфонии. После драматических схваток первой части ее изящная танцевальность создает чувство некоторой умиротворенности. Однако это только минутное, чисто внешнее настроение. Дымка легкой грусти, взволнованность, постепенное нарастание ощущения тревоги напоминают о том, что борьба еще далеко не окончена.

Мрачные, трагические звучания первых же тактов третьей части красноречиво свидетельствуют об этом. Противопоставление глубоко человеческого уродливому, отчаянная борьба двух этих начал является главной идеей симфонии. В третьей части драматизм борьбы достигает наивысшего накала. Перед воображением слушателя в кинематографическом темпе мелькают картины природы, беззаботного народного праздника; иногда музыка воспринимается как остроумная шутка. А на этом фоне все выше поднимается пафос подлинной трагедийности.

Кое-кто из критиков упрекает композитора за выражение им «горя», «субъективного страдания», «безнадежности мечты» и т. п. Но, говоря об этом, нельзя забывать времени, когда написана симфония, нельзя забывать о том, что

могло повлиять на характер ее содержания, на весь ее эмоциональный строй...

Большое горе пережила наша страна, тысячи и десятки тысяч верных сынов партии и народа пали жертвами преступников, ставших на путь нарушения социалистической законности. Мог ли большой художник-патриот безучастно пройти мимо этого, бесстрастно глядеть на серые, зловещие тучи, заволакивающие чистое небо над родной землей! Горе народа — это и его горе. И передал Д. Шостакович это чувство с потрясающей силой художественного выражения. Нет, подобные чувства и подобные образы не втиснешь в узкий мирок «субъективного мечтателя». Тяжелое, даже гнетущее впечатление оставляет заключение третьей части симфонии с ее хмурым колоритом, тоскливым настойчиво повторяющимся, так называемым остиным ритмом. И только ясные блики — отзвуки челесты как бы предвосхищают просветление в будущем...

Четвертая симфония очень сложна по своему идейному замыслу. И не менее сложна по структуре, особенностям фактуры и оркестрового стиля. Дирижер народный артист СССР Н. Рахлин и талантливый коллектив Государственного симфонического оркестра УССР вложили много труда и любви в исполнение этого замечательного произведения. Будем надеяться, что Четвертая симфония займет прочное место на киевской симфонической эстраде и что ее интерпретация будет совершенствоваться от концерта к концерту.

Николай ГОРДЕИЧУК.